

ЮБИЛЕИ

В семьдесят лет принято гордиться достигнутым и осмысливать пройденное. Боюсь только, все эти повадки не в характере моего героя. Завтра Игорю Кваше стукнет 70, а он не желает в это верить. И не боится признаться, что многое перекроил бы в своей жизни, будь на то его воля. Только никогда не говорит — что именно.

Три режиссера звали его на Гамлета — Охлопков, Любимов и Кагарлицкий. Владимир Высоцкий так и не простил Вениамина Смехова: он почему-то решил, что именно Смехов предложил Любимову кандидатуру Кваша. А Кваша... Кваша не хочет даже вспоминать, почему он не стал играть Гамлета. И почему отказался работать с Эфросом, который предлагал ему роль Яго. И что ответил Марку Захарову... Ничего не хочет объяснять. В его верности "Современнику" есть что-то от Фрейда, в его стабильности — 90 процентов упрямства. О сложностях его нрава меня предупредили заранее. Я переступаю порог его комнаты, мы знакомимся, и он начинает похихатывать. Самое странное — я тоже. Вот он уже совсем хохочет, мелодично похрюкивая. Я задыхаюсь от смеха и жалобно всхлипываю. Оба мы тчетно пытаемся остановиться, спрашивая друг друга: "Ну чего вы смеетесь?" Так продолжается минут пять.

— Стоп, я сейчас чего-нибудь серьезное спрошу. Вы бультерьера завели из каких соображений? Вам нравится чувство близкой опасности?

— Совсем нет. Во-первых, у нас добрейшая собака в мире, и никакая опасность от нее не исходит. А во-вторых, ее не по моему желанию завели. Сыну с невесткой эта порода безумно нравилась внешне. Сначала я не понимал их вкуса, а теперь согласен: у бультерьеров действительно смешные морды, в их уродстве есть удивительная красота. Сейчас Феня живет с ними на даче. Мне, честно говоря, очень скучно без собаки, но уж больно жалко оставлять ее надолго одну. Например, только что у меня было два абсолютно суматошных дня: по 12 часов съемки передачи "Жди меня". Мне очень тяжело вести эту программу, поверьте. Наверное, нужно держать какую-то дистанцию, не пропускать все через себя. Но не получается. Сегодня вот отхожу, поэтому я в таком состоянии.

— Зачем тогда согласились на такую работу?

— Я не подозревал, что будет столь тяжело. Хотя, конечно, есть и отдача. Думаю даже, что эта передача изменила меня чисто по-человечески. Я стал мягче, больше чего-то понимать начал. Ведь перед моими глазами проходят самые невероятные человеческие судьбы, горе, слезы, страдания! И я не лукавлю, когда говорю, что не умею отстраниться... Я искренне считаю, что ведущий не имеет права плакать в кадре. Поэтому в таких случаях стараюсь просто не попадать в камеру.

— Похоже, ваша телевизионная жизнь скоро может вытеснить театральную.

— Не думаю. Съемки не мешают сцене, а наоборот, обогащают. Хотя... Я не очень верю в ясновидение, но есть одна женщина, с которой меня связала Лия Ахеджакова, она говорила мне очень точные вещи. Хотя я с ней лишь однажды общался по телефону. Например: "У вас с правой стороны когда-то было сломано ребро". И правда, когда моему сыну исполнилось года два с половиной, мы с ним возились на диване, он своею крохотной ножкой толкнул меня в бок и так неудачно попал, что сломал мне ребро. Но это было сорок лет назад и знать об этом никто не мог! И она же мне сказала про передачу — мол, в вас очень много чужой отрицательной энергии оседает после съемок, вы должны научиться от нее избавляться.

— Как же с таким зарядом еще и спектакли играть?

— Вот что странно — иногда перед выходом на сцену думаешь: "Ну все, никаких сил нет", — а получается хорошо. Валя Гафт на меня ругается: "Ты кричишь, что плохо себя чувствуешь, значит, сейчас будешь лучше всех играть". Иногда усталость позволяет делать неожиданные вещи, играть свободнее. Роль вдруг начинает вести тебя, и получаются самые удачные спектакли. Словом, Гафтенюк не зря так кричит.

ГЕНАДИЙ ЧЕРКАСОВ

Игорь КВАША:
"Цифра не пугает, а просто убивает!"

— А как же вы сами, яркий антисоветчик, согласились на роль Сталина в фильме "Под знаком Скорпиона"?

— Мне до этого три раза предлагали играть Сталина, но я не соглашался, потому что роли были — ни рыба, ни мясо. А тут оказалось — можно сделать его таким, как я вижу. И знаешь — это моя самая любимая роль в кино! Единственная, которая мне самому нравится! Мне кажется, я ее хорошо сыграл.

— А все остальные не нравятся, что ли?

— Все остальные не очень нравятся. То там, то здесь я собой недоволен. И потом, на себя очень трудно смотреть, Катя. Неприятно. Ты о себе лучше думаешь, чем то, что потом видишь. А когда я смотрю на своего Сталина, у меня такое ощущение, что играет кто-то другой. Мне он интересен, я ведь с молодости о нем думал, и в основном — отрицательное. Даже собирал рассказы людей, которые его знали. Собрал очень много рассказов и не записал, дурак. Мне казалось, что я их всегда буду помнить. В итоге процентов 70 забыл.

— Не по-скупердяйски вы относитесь к жизни!

— Да, к сожалению. Моя судьба и мой театр подарили мне такое количество фантастических встреч, я столько потрясающих людей знал лично! И ничего не записывал. И ни с кем не фотографировался. Даже с Гришей Гориним у меня всего один общий снимок, и то только благодаря Грише. В театре — то же самое. Например, Галя Волчек — молодец, она не относилась так наплевательски, и правильно делала. А я — идиот. Вот приходил в театр Артур Миллер. И у нее висит фото с Миллером... А у меня нету, хотя я много с ним общался. И таких примеров сотни. Что говорить, если даже с Андрюшей Мироновым у меня нет ни одной общей фотографии, не считая единственного поляроидного снимка, где мы сидим выпившие в какой-то компании.

— Не тогда, когда вы с Мироновым Маркса с Энгельсом играли в фильме "Год как жизнь"?

— Нет. Хотя там была отдельная история. 31 декабря режиссер с утра вдруг назначил съемку. А у меня одного грима на четыре с половиной часа, я ведь на Маркса абсолютно не похож. К концу съемки мы с Андрюшей выпили: уже начали готовиться к Новому году. Ну и в шутку попросили фотографа сделать эпохальный снимок. Долго пристраивались, пытались изобразить знаменитый барельеф — двойной профиль Маркса—Энгельса. Это ведь довольно трудно — так вот пристроиться, чтоб как на картинке... В итоге сфотографировались. Думали: ну, чистая хохма, потом друзьям подарим смешные фотографии. А фотограф использовал снимок на широкую ногу.

— На полном серьезе?

— Да! Наше фото огромного размера висело в Доме кино, его печатали в газете. А у меня не сохранилось, кто-то его украл. Все забываю спросить у Ларисы Голубкиной — может, у нее есть, я бы переснял. Мы так хохмили с Андрюшкой и с Васей Ливановым на той картине, что массовка написала на нас заявление в дирекцию, что мы срываем съемки политически важного фильма. Целый скандал был. Его, слава богу, замяли, но никаких дивидендов с этого фильма никто не получил — ни наград, ни званий, ни лауреатов. Видно, недаром. Политически важным он так и не стал.

— Молодое поколение актеров "Современника" вам близко? Или все-таки есть дистанция?

— Скажу так: мне было очень близко предыдущее молодое поколение, которое теперь уже совсем молодое. Я тогда специально для них поставил "Дни Турбиных". Хотел, чтоб на сцене была только молодежь: Шальных, Кохун, Шкловский, Ира Метлицкая, Лена Яковлева. Хотя Лена

у меня в основном за сценой кричала. Ее петлюровцы насильовали. Сейчас у нас замечательные отношения, но она до сих пор мне это вспоминает! Спектакль долго шел, но кое-то очень сильно на меня обижался. Алексея Турбина хотел играть один наш замечательный актер. А я не дал ему эту роль... Знаю, что та обида внесла трещину в наши отношения и до сих пор внутри осталась. Человека можно понять: роль-то какая! Я до сих пор не знаю, правильно ли я сделал...

— Ваш театр всегда был знаменит актерскими "дуэлями" на сцене. Кто кого чаще раскалывает — вы партнера или он вас?

— Все-таки я чаще. Меня тяжело достать. Хотя можно.

— Кому это удавалось?

— Сергачев однажды меня просто доконал: я чуть не ушел со сцены. Мы играли "Голого короля", который почти весь строился на импровизациях. Я изображал первого министра, а Сергачев — министра нежных чувств. В одной из наших парных сцен у Шварца всего три реплики написано, а мы играли ее несколько минут. И каждый раз в кулисах собирались ребята, чтоб узнать, что мы сегодня придумаем. У нас действительно шло соревнование: кто кого расколлет. Тогда первый раз в Москве началась массовая эпидемия гриппа, и все продавцы вышли на работу в марлевых повязках. Сергачеву по тексту тоже повязка полагалась, но другая, вокруг головы, будто у него флюс. А он вышел с такой же марлевой повязкой, как продавцы в магазине. И вот тут я чуть не ушел со сцены! Потому что это получилось, что называлось, в жилу. Даже не помню, как я вывернулся, потому что было жутко смешно. Причем зрителям тоже. Ведь чаще всего актерские импровизации смешны самим актерам, а зрители их не замечают, да и в пересказе они не доходят до слушателя. А в тот раз зал грохнул сразу.

— Вы ждете каких-нибудь сюрпризов на 70 лет?

— Катя! Это так неприятно. (Снова знакомые смешки, но уже какие-то нервные. — Авт.) Зря ты мне напомнила, у меня настроение тут же испортилось.

— Вам что — цифра не нравится?

— Ну, во-первых, цифра убивает! Даже не пугает, а убивает. Ее очень трудно осознать. А во-вторых, любой юбилей, празднование меня напрягает. Хотя без него, конечно, не обойтись, лучше и не сопротивляться. Я как-то раз, пребывая в очень плохом настроении, не хотел праздновать свой день рождения. И всем сказал, что не буду. А поздно вечером Гриша Горин, Андрюша Миронов, Аркаша Хайт вместе с женами ввалились к нам домой в телогрейках, в каких-то халатах, с едой, с кастрюлями, завернутыми в газету, с водкой. У Гришки на груди висел плакат: "Незванный гость хуже" — без продолжения. Еще жива была моя мама, они прошли к ней в комнату и закрыли перед моим носом дверь. Расстелили газетки, сели на пол и стали праздновать. Меня не подпускали: не хочешь праздновать — пошел вон. Иногда через плечо протыгивали мне выпить. И говорили тосты: "Давайте выпьем за эту сволочь". "А теперь давайте выпьем за маму сволочи". Потом водка кончилась, я сказал, что у меня есть в запасе. А они: "Мы можем у тебя ее купить, просто так водку сволочи пить не будем".

— Зато смотрите — какой отличный день рождения получился!

— Да, самый смешной в моей жизни. Я про то и говорю: сопротивляться бессмысленно. И я покорился. Галя хотела сыграть спектакль в этот день, а после — капустник и поздравления. Но я предложил по-другому, и ей понравилась: просто расставил столы в фойе, позвать весь театр, друзей, сесть и сразу начать выпивать. А уж потом — капустник и поздравления.

Катя ПРЯНИК.

ЗА ИКВАШЕННЫМ КАПУСТНИК

— У вас сейчас много работы в театре?

— Не так чтоб очень много. Но и не мало. Средне: пять названий. Правда, новых давно уже не было. Все как-то не попадаю... А во-вторых, и я идиот тоже. Надо ведь и самому инициативу проявлять.

— Бывало такое, чтобы вы с Галиной Борисовной Волчек взяли и поссорились?

— Бывало. И вот как раз из-за этого...

— Вы умеете чего-то требовать от своего главрежа?

— Нет. Я умею обидеться и, предположим, не разговаривать. Хотя, может, надо было как раз ходить и требовать. А так у меня огромные пробелы получаются между новыми работами. Последние спектакли — "Играем... Шиллера!", а потом "Балалайкин и компания". Причем

идея "Балалайкина" возникла совершенно случайно, и даже не у нас с Валею Гафтом, а у ребят из труппы. Сидели все вместе в Германии на гастролях в гримуборной, зашла речь, как здорово было бы восстановить "Балалайкина". В таком гриммерочном трепе и родилась идея.

— В труппе "Современника" существует рейтинг актеров по степени сложности их характера?

— Наверное, у меня один из самых сложных. (Кваша снова дружелюбно похихатывает, и я решаю углубить тему. — Авт.)

— У кого все-таки сложнее — у вас или у Гафта?

— Я думаю, что у Гафта, а он наверняка считает, что у меня. А если серьезно, то надо у других спросить. Точно так же актеру трудно

объективно оценить спектакль, в котором он сам занят. Тут нужен взгляд со стороны. Только самые близкие друзья могут позволить себе сказать правду, и то не всегда. Был такой случай: Андрюша Миронов, с которым мы очень дружили, снялся в одном чудовищном фильме, где играл жуткую роль американского корреспондента. Когда фильм вышел, меня не было в городе. И все общие друзья говорили: "Ладно, вот Кваша вернется, он ему вмажет". А сами молчали. Неприятную миссию — сказать Андрюше правду — они спихнули на меня.

— И вы ее выполнили?

— Ой, вмазал! Мы крепко выпили и крепко поговорили. Я страшно возмущался, почему он согласился на такую пропагандистскую фальшивку. И он, кстати, признал мою правоту.